

Фигура Чжан Цилина едва заметно вздрогнула.

Голос Хэй Сяцзы, раздававшийся в световом экране, прозвучал словно камень, брошенный в глубокий омут, и поднял рябь в море его погруженных в тишину воспоминаний.

Те разрозненные осколки — чужие края, плечом к плечу идущие силуэты и тот взгляд, исполненный улыбки — начали пробивать пелену тумана, поднимаясь со дна в беспрерывном водовороте.

Он вспомнил.

Все прошлые дни, вместе с тем чувством, которое было содрано с него ходом времени, хлынули обратно подобно приливу.

Кленовые аллеи Германии, тусклый желтый свет в квартире и некогда живые, улыбающиеся глаза и брови этого человека.

Совсем не такие, как теперь — тихие и неподвижные, как гладь воды, а озаренные яркой, по-мальчишески задорной улыбкой.

Он вспомнил ребенка, которого они вдвоем звали Ци Юем, вспомнил те короткие, но подлинные, мирные дни, похожие на жизнь обычной семьи.

Прилив воспоминаний был леденящим до боли, но он также смыл весь туман.

Чжан Цилин медленно, невероятно медленно повернулся.

Его взгляд скользнул по толпе — охваченной изумлением или жадностью, — и наконец остановился на сидевшем рядом Хэй Сяцзы.

Этот взгляд казался бездонным, но в его глубине что-то бурно бурлило, ломалось, а затем с трудом собиралось заново.

В нем больше не было безразличия стоячей воды — теперь это была трезвость, несущая на себе тяжесть и боль целого столетия.

Встретившись с этим взглядом, Хэй Сяцзы в тот же миг понял:

Чжан Цилин вернул память.

В горле у него пересохло, и все заготовленные шуточки и напускная беспечность в этот момент

рассеялись без следа.

Он молча смотрел на Чжан Цилина.

Слова были не нужны.

Чжан Цилин вспомнил. Вспомнил всё.

Включая то, как они встретились, как полюбили друг друга, как потеряли и как... Хэй Сяцзы на протяжении долгих лет снова и снова пытался вытащить его из предначертанной колеи.

Световой экран все еще мерцал, отражая это безмолвное, но захватывающее дух противостояние взглядов между ними двумя.

Расчеты Девяти Семей, заблуждения о бессмертии и весь окружающий шум в этот момент словно растворились, превратившись в размытый фон.

Столетие времени;

Утраченные воспоминания;

Возникшие между ними недомолвки;

И тлеющие угли, которые на самом деле никогда не гасли — в этот миг они столкнулись с оглушительной силой.

Чжан Хайкэ резко поднялся с места.

Его фигура слегка дрожала от волнения, а в голосе звучал неудержимый трепет:

— Глава... Вы... Вы всё вспомнили?!

Услышав это, Чжан Цилин слегка повернул голову в его сторону.

В тех спокойных глазах теперь отчетливо отражалось взволнованное лицо Чжан Хайкэ.

Очень медленно, но с абсолютной уверенностью он кивнул.

Чжан Хайсинь камнем вылетел со своего места, на его лице мгновенно вспыхнула нескрываемая радость, а голос прозвучал звонко и отчетливо:

— Отлично! Глава наконец-то вспомнил господина Ци!

Взгляд Чжан Цилина снова вернулся к Хэй Сяцзы, и весь окружающий шум словно исчез в эту секунду.

Его кадык чуть заметно дрогнул, губы приоткрылись, и один слог, полный давней шероховатости и тяжелого веса, медленно сорвался с них:

— ...Хэй.

Следом этот хриплый голос замолк на мгновение, а затем отчетливо выговорил три слова:

— ...Прости.

В глубине души он беззвучно повторял человеку, который все эти долгие годы так упрямо стоял за его спиной:

Прости, что я забыл тебя.

Прости, что в те времена, когда я потерял память... я не доверял тебе.

Прости, что заставлял тебя снова и снова... смотреть на то, как я ухожу к другим.

Хэй Сяцзы смотрел на него.

Прошло столько десятилетий, и он слишком хорошо знал бурю, скрывающуюся за молчанием этого человека.

Все те невысказанные сожаления, извинения и боль он слышал предельно ясно.

Он повернулся к Чжан Цилину лицом.

Затем поднял руку и костяшками пальцев очень легко коснулся холодной щеки собеседника. Его голос был настолько тихим, что услышать его могли разве что они двое, но в нем слышалась хрипловатая уверенность:

— Немой.

— С возвращением.

Что же касается того самого «прости»...

Он не произнес «прощаю» и не сказал «виню тебя».

Некоторые преграды слишком долго стояли в сердце, и их не преодолеть в один миг с помощью всего лишь одного слова.

Он просто решил прямо сейчас первыми объятиями встретить человека, который наконец-то вернулся домой.

Услышав эти слова, Чжан Цилин на мгновение замер.

А затем, на глазах у всех — изумленных или озадаченных, — он поднял руки: движение вышло чуть неуверенным, но невероятно отчетливым, — и заключил Хэй Сяцзы в объятия.

Руки сомкнулись — безмолвно, но крепко.

Чжан Цилин слегка наклонился, приблизив губы к самому уху Хэй Сяцзы. Теплое дыхание коснулось мочки уха, а голос, опущенный до предела, вывел каждое слово с кристальной четкостью:

— ...И еще, спасибо тебе.

Спасибо тебе... за то, что выбрал меня.

Спасибо за то, что после потери памяти ты снова и снова возвращал меня домой.

И спасибо... что все еще готов дать мне шанс всё исправить.

Голос хозяина пространства, долгое время не дававшего о себе знать, зазвучал вновь — ровный и бесстрастный, но отчетливо долетевший до каждого:

□Похоже, твоя память вернулась на свое место. Что ж, прими мои поздравления — отныне ты больше никогда не потеряешь память.□

— Правда? — Хэй Сяцзы резко отстранился от груди Чжан Цилина, его острый взгляд устремился в пустоту, а в голосе прозвучало едва уловимое, натянутое недоверие.

Чжан Цилин тоже поднял глаза, его взгляд был спокоен, но сосредоточен.

Сидевшие за ним во втором ряду члены семьи Чжан и вовсе затаили дыхание. Один за другим их жгучие взгляды, полные нескрываемого ожидания и напряжения, устремились к источнику голоса.

Голос зазвучал снова, с непреложной размеренностью:

□Разумеется, правда.□

Хэй Сяцзы повернулся к Чжан Цилину, и веселье в его глазах наконец выплеснулось наружу без всякого сдерживания, принес с собой ощущение долгожданного облегчения:

— Вот и отлично, Немой. Теперь... ты уже никогда меня не забудешь.

Услышав это, Чжан Цилин чуть заметно тронул уголками губ:

— Угу.

Эта улыбка была едва заметной, но похожей на тающий первый снег, она отчетливо отражалась в его неизменно тихих глазах.

Мысль мелькнула в его голове, и он внезапно вспомнил кое о чем.

Слегка повернув голову, он остановил взгляд на лице Хэй Сяцзы и тихо произнес короткие, но заботливые слова:

— Хэй. Глаза.

Голос пространства отозвался вновь — всё таким же ровным тоном, словно видящим всё насквозь:

□Глаза господина Хэя исцелятся сами собой, а его «способность» видеть сохранится. Что же до той «вещи», что давит на его плечи... Я тоже могу разобраться с этим разом.□

Чжан Хайсинь тут же повысил голос, и радость едва не выплеснулась через край:

— Отлично! Господин Ци!

Чжан Хайянь от неожиданности вздрогнула от его резко взлетевшего тона, замахнулась и несильно шлепнула его по затылку, недовольно проворчав:

— Тише ты, не ори вечно как оглашенный.

Хотя она так и сказала, уголки ее собственных губ сами собой изогнулись в легкой полуулыбке, выдавая прекрасное настроение.

Чжан Хайсинь потер затылок и тихо забубнил:

— Сестра, только и знаешь, что издеваться надо мной.

Чжан Хайянь бросила на него косой взгляд из-под ресниц и прищурилась:

— Что, есть возражения?

Шея Чжан Хайсиня втянулась от страха, и он затряс головой так быстро, будто это был погремушечный барабан.

Хэй Сяцзы, наблюдая за этой их перепалкой, с легкой и беспомощной улыбкой покачал головой.

В глазах Се Юйчэня тоже затеплилась искренняя улыбка, когда он посмотрел на них обоих:

— Сяцзы, поздравляю.

Затем он перевел взгляд на Чжан Цилина, и его тон остался столь же искренним:

— Сяо-гэ, тебя тоже поздравляю.

Хэй Сяцзы широко улыбнулся и громко произнес:

— Спасибо, Сяо-хуа!

Чжан Цилин встретился взглядом с Се Юйчэнем и слегка кивнул.

Кому радость, а кому и горе.

С того самого момента, как стало известно о возвращении памяти Чжан Цилина... холод на спине У Саньшэня не отступал ни на секунду.

Холодный пот выступал безмолвно, слой за слоем, почти насквозь пропитывая нижнее белье.

Его кадык нервно дернулся во время сглатывания.

Во рту пересохло и стало горько, а взгляд помимо воли то и дело скользил в сторону Чжан Цилина.

Он смертельно боялся, что этот ледяной взгляд в следующее же мгновение упадет на него.

В конце концов, Девять Семей обошлись с ним... слишком расчетливо.

У Сяо не заметил ужаса и тревоги, бушевавших в сердце его собственного Третьего дяди.

Услышав лишь слова о том, что Чжан Цилин восстановил память, он на мгновение ярко вспыхнул глазами.

Он подумал: раз уж Панцзы-в-бутылке всё вспомнил, то он наверняка помнит и те совместные испытания на грани жизни и смерти, и то взаимопонимание, которое было понятно только им двоим.

Они снова смогут стать прежними.

Когда они снова будут вместе —

У Сяо почти не сомневался, что они будут вместе —

Он непременно выяснит, что же за бездонные тайны скрываются за личностью Панцзы-в-бутылке.

У Сяо погрузился в собственные надежды и совершенно не заметил главного:

С самого момента обретения памяти взгляд Чжан Цилина больше не падал на него ни на секунду.

Не в силах больше сдерживаться, У Сяо поднялся с места, указал на себя и громко спросил:

— Сяо-гэ, ты ведь помнишь меня и Панцзы?

Сидевший рядом с ним Панцзы тут же вскочил следом, его зычный голос был полон отчаянной надежды:

— Точно, Сяо-гэ! У нас же с тобой кровные узы, мы — Железная троица! Неужели не помнишь?

Панцзы говорил искренне, от всего сердца.

Чжан Цилин, погруженный в редкое, не нуждающееся в словах уединение с Хэй Сяцзы, был резко прерван этим окриком, и между его бровей промелькнуло мимолетное, еле заметное раздражение.

Услышав шум, он медленно перевел взгляд на источник звука — на У Сяо и Панцзы.

Его взгляд оставался спокойным и безмятежным, тонкие губы слегка приоткрылись, и оттуда четко прозвучали три слова:

— Не знаю.

Мысль равнодушно промелькнула у него в голове.

С какой стати ему знать... тех, кто просчитывал каждый его шаг ради собственных корыстных целей.

Зрачки У Сяо резко сузились, краски мгновенно сошли с его лица.

Он чуть не споткнулся, выбираясь из заднего ряда, и, не глядя ни на что, бросился вперед, к Чжан Цилину. В его голосе звучала неспособная принять правду дрожь:

— Сяо-гэ! Как это ты меня не знаешь? Я же У Сяо!

В глазах Чжан Цилина мелькнуло отчетливое раздражение.

Он резко поднялся и в тот самый момент, когда У Сяо почти приблизился к нему вплотную, взмахнул ногой —

— Бам!

С глухим стуком У Сяо отлетел назад, тяжело врезался в стену позади и соскользнул на пол.

С бесстрастным выражением лица Чжан Цилин снова сел рядом с Хэй Сяцзы и протянул руку, совершенно естественно переплетя свои пальцы с его пальцами.

Сидевший по другую руку от Хэй Сяцзы Се Юйчэнь

Лишь слегка приподнял ресницы, молча наблюдая за тем, как фигура У Сяо описывает дугу в воздухе, а затем с грохотом падает вниз.

На его лице не было почти никаких эмоций, лишь в глубине глаз промелькнул едва уловимый, сложный отблеск.

Младшие члены семьи Чжан во втором ряду, наблюдая за улетевшим У Сяо, не только не испугались, но даже оживились. Их глаза заблестели, и они принялись тихонько ликовать, а кое-кто даже сдержанно захлопал в ладоши:

— Да здравствует глава!

— Глава просто красавец!

— Глава могуч!

Чжан Хайсинь, наблюдая за этим со стороны, только цокал языком, бормоча под нос:

— Тц-тц, смотреть больно.

Хотя Чжан Хайсинь и цокал языком, в его глазах пряталось неподдельное злорадство.

Раз уж глава поднял руку на У Сяо, это означало... что тот человек больше не является для него особым поводом для привязанности.

Хэй Сяцзы бросил взгляд на поднимающегося с пола У Сяо, чуть приподнял бровь, повернулся к сидящему рядом Чжан Цилину и с изрядной долей насмешки в голосе произнес:

— Так жестко приложил? Не жалко?

Чжан Цилин покачал головой, чуть сильнее сжав пальцы в своей руке, поднял на него глаза и ответил негромко, но чеканно:

— Жалко только тебя.

Сердце Хэй Сяцзы подпрыгнуло, он машинально отвел взгляд, а кончики его ушей незаметно окрасились легким румянцем.

В этой главе нет сцен просмотра — это переходный эпизод.

<http://bllate.org/book/20900/2112992>